

Е. Л. Григорьян

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАЦИЕНТИВНОСТИ
(AFFECTEDNESS) И ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ РЕАЛИЗАЦИИ**

28

Рассматривается семантическая категория пациентивности (условный эквивалент английскому термину «affectedness»). Как и другие так называемые «скрытые» категории, она не имеет специальных морфологических показателей, но определяет некоторые синтаксические правила и тенденции. Показана релевантность данной категории для выбора прямого дополнения, различных пассивов, некоторых типов русских безличных конструкций, что отражает общие типологические закономерности.

This article deals with affectedness, a semantic category which underlies particular syntactic phenomena determining syntactic rules and tendencies but having no morphological markers, not unlike other covert categories. It is relevant to direct object selection in various languages, be-passives and get-passives in English, some types of impersonal sentences in Russian, etc., which reflects general typological patterns.

Ключевые слова: пациентивность, скрытые категории, синтаксическая семантика, пассив, прямое дополнение, датив, безличные предложения.

Key words: affectedness, covert categories, be-passive, get-passive, direct object, dative, impersonal sentences.

За последние десятилетия для лингвистики стала очевидной недостаточность чисто формального подхода к синтаксису. Осознание этого положения привело в свое время к появлению понятия глубинной структуры, которое впоследствии приобретало все более семантический характер. Сегодня может считаться общепризнанной идея обусловленности синтаксической структуры высказывания семантическими и прагматическими факторами, а синтаксис рассматривается как способ кодирования (*encoding*) семантических и прагматических категорий.

Семантические категории, проявляющиеся в синтаксисе, в основном представляют собой так называемые «скрытые» категории, так как они не имеют специального морфологического показателя (в отличие от грамматических категорий в традиционном понимании), но в то же время существенны для грамматики, в первую очередь синтаксиса, причем они не только определяют некоторые синтаксические правила и тенденции, но часто сами выражаются синтаксическими способами [2].

Проблема исследования подобных категорий сложна еще и тем, что их проявления разнородны, то есть они могут проявляться различными способами на разных уровнях языка и при этом нерегулярно, а формы их языковой реализации не оказываются специфичными именно для данных значений; в большинстве случаев эти же формы попутно (или

альтернативно) выражают и другие смыслы (а могут и не выражать никаких, см.: [5]). В синтаксической семантике в полной мере выступает известный принцип ассиметричного дуализма — отсутствие однозначного соответствия между формой и семантикой. Хотя очевидно, что между синтаксисом и семантикой существует связь и семантика (по крайней мере, в некоторых отношениях) детерминирует синтаксическую структуру, данная связь не прямая и в большинстве случаев неоднозначная. Все способы выражения той или иной «скрытой» категории, как правило, не являются специфичными именно для нее, но также используются и в других функциях.

В статье будет рассмотрена одна из таких категорий, не имеющих общепринятого названия на русском языке, но в англоязычной литературе обозначаемая стандартным и широко распространенным термином «*affectedness*» (приблизительно «затронутость действием» или «изменение под воздействием», «страдательность»); далее мы будем использовать в качестве русского эквивалента термин «пациентивность»¹. Термин «*affectedness*» постоянно употребляется и в работах по падежной грамматике как признак некоторых падежных значений или отдельное значение, а также в синтаксической типологии. В то же время нет монографий, посвященных специально данной категории и охватывающих весь спектр ее проявлений, в отличие от десятков (если не сотен) статей, где исследуется агентивность, каузальность, контроль. Действительно, на фоне этих категорий проявления пациентивности могут показаться редкими и спорадическими. Однако есть все основания относить данную семантическую категорию к числу значимых для синтаксиса, наряду с перечисленными выше. М. Клайман [20] рассматривает все залоговые системы в свете соотношения двух «концептуальных статусов»: *controller* и *affected entity*. Т. Цунода [25, с. 640] выстраивает «шкалу пациентивности» (*scale of affectedness*), в рамках которой объясняются модели расщепленной эргативности, выбора прямого дополнения, возможности рефлексивизации, образования антипассивов в универсальном плане и применительно к австралийским языкам.

Традиционно признак пациентивности связывается в первую очередь с прямым дополнением и анализируется в качестве его прототипического значения (заметим, что прямое дополнение, подобно подлежащему, не выступает прямым указанием на какую-либо ролевую семантику). В литературе по синтаксической типологии указывается на признак *affectedness* как наиболее весомый фактор для получения статуса прямого дополнения [15, р. 66]: «The argument most affected by the event, the one registering *the crucial change of state*» (Объект, наиболее затронутый действием, претерпевающий радикальное изменение состояния) — в противоположность косвенному дополнению. *Affectedness* также входит в иерархию признаков прямого дополнения П. Хопшера и С. Томпсон [16, р. 252].

¹ В литературе встречаются различные варианты перевода этого термина: «вовлеченность в ситуацию пациента (*affectedness of object*)» [6, с. 23], «аффицированность» [9, с. 223]; ср. также «аффицируемый объект» [7, с. 332].

Очевидно, что синтаксическая семантика наиболее ярко проявляется в тех случаях, где возможен выбор из различных синтаксических способов для воплощения одной и той же денотативной ситуации, что наглядно демонстрируют примеры из английского языка (*Ag* обозначает агенса, *O* – объект, *Loc* – место, локатив, *Aff* – затронутость действием)²:

- (1a) Tom (*Ag*) packed the clothes (*O*) into the trunk (*Loc*).
(1b) Tom (*Ag*) packed the trunk (*Loc*, *Aff*) with clothes.
- (2a) The gardener (*A*) stripped the bark (*O*) off the tree (*Loc*).
(2b) The gardener (*A*) stripped the tree (*Loc*, *Aff*) of its bark.
- (3a) The thieves robbed the money from the old lady.
(3b) The thieves robbed the old lady of her money [26, p. 85].

В комментарии к последнему примеру автор отмечает, что предложение (3a) просто констатирует факт незаконного изъятия имущества, тогда как пример (3b) также подразумевает, что пожилая женщина пострадала и заслуживает сочувствия (also suggests that the old lady is to be pitied).

Необходимо, однако, заметить, что это значение также может быть связано с дативным актантом, по крайней мере, в русском языке, ср.: *Петя испортил Маше тетрадь* vs *Петя испортил Машину тетрадь*; *Нужно состричь собаке шерсть* (собаке жарко!) vs *Нужно состричь шерсть у собаки* [12, p. 84].

В гораздо большей степени, чем с прямым дополнением, пациентивное значение связано с подлежащим в различных пассивных конструкциях, что довольно часто фиксируется исследователями применительно к английскому языку. Д. Болинджер отмечает эту особенность пассива в противоположность конструкциям с топикализацией объекта, ср.:

- (4a) George my friend ran into coming out of the subway.
(4b) George was run into coming out of the subway [10, p. 26].

В первом предложении речь может идти просто о случайной встрече, тогда как во втором говорится, очевидно, о столкновении («the subject is materially affected»). Аналогично:

- (5a) George they met at the airport.
(5b) George was met at the airport [10, p. 26].

В первом случае опять же речь может идти о случайной встрече, в то время как во втором примере сообщается об услуге, оказанной Джорджу. Различие сохраняется и в русском переводе, ср.: *Джорджа они встретили в аэропорту* и *Джордж был встречен ими в аэропорту*³.

² Здесь и далее нумерация примеров наша; обозначения (a), (b) сохраняются в соответствии с оригиналом.

³ Ср. такие же наблюдения на материале японского языка: [24, p. 841].

Э. Кинэн также иллюстрирует свойственную пассиву *affectedness* разнообразными примерами. Сравнение следующих пар дает достаточно ясную картину:

- (6a) John supports the Democratic Party.
- (6b) The Democratic Party is supported by John.
- (7a) John changed his job
- (7b) John's job was changed.
- (8a) Someone slept in the bed.
- (8b) The bed was slept in.
- (9a) John saw Mary entering the building at 6 o'clock.
- (9b) Mary was seen entering the building at 6 o'clock [19, с. 269].

31

Так, предложение (6b) указывает, что существование Демократической партии весьма зависит от поддержки Джона, тогда как (6a) этого не предполагает и скорее будет понято как сообщение о политических взглядах Джона. Пример (7a) говорит о смене работы, (7b) — об изменении характера самой работы. Предложение (9b) подразумевает, что конкретный факт может иметь негативные последствия для Мэри (*Mary is being watched – John watches Mary*)⁴.

Тенденция к подобному осмыслению особенно сильна для английских косвенных пассивов. Так, предложение *My hat has been sat upon* значило бы, что шляпа пострадала — «*is adversely affected*», тогда как фраза *Someone sat on my hat* может этого и не подразумевать. Ср. комментарий к некоторым примерам:

- (10a) This chair has been sat on (by Fred / by someone).
- (10b) This chair has had someone (Fred) sit on it.
- (10c) Fred / someone has sat on this chair [13, p. 55].

Пример (10a) — в отличие от (10c) и аналогично (10b) — предполагает, что этот факт (то, что на нем сидели) сказался на стуле негативным образом и последствия очевидны («*In absence of specific information, one assumes... that Fred did the chair no good by sitting on it, and that the effects of this sitting are perceptible*»). Сходный случай:

- (11a) That glass had been drunk out of (by someone).

«Скорее всего, стакан в результате грязный, а не вымытый после использования» («*Likewise it would be reasonable to assume that the glass... is dirty, rather than used and then washed*») [13, p. 53].

Это же значение пациентивности часто указывается как одно из определяющих для английских *get-passives* в предложениях с одушевленным субъектом. Следует заметить, что *get-passive* — как и *be-passive*, как и рассматриваемые далее безличные конструкции русского языка — свя-

⁴ В нашем собственном материале подобных примеров нет, по крайней мере явных; в этом пункте мы вынуждены опираться на чужие исследования, в которых преобладают искусственно составленные примеры. Тем не менее они представляются достаточно убедительными.

зан с конкретным набором значений, которые могут реализоваться в речи в различных сочетаниях, причем весомость отдельных признаков может быть разной (список значений, связываемых с *get-passives*, см.: [14]. Многие авторы (если не все) отмечают, что *affectedness* свойственна *get-passives* в большей степени и сильнее акцентируется, чем в *be-passive*, для которых этот признак не является обязательным. Для *get-passives* с неодушевленным подлежащим также отмечается значение «The owner is affected», то есть «Владелец затронут (пострадал)» [11, р. 440]: *Jane's bike got stolen* [17, р. 1442].

В литературе *get-passives* нередко сближают с так называемыми адверсативами (*adversity passives, submissive verb constructions*), представленными во многих языках формами со значением «подвергнуться неблагоприятному воздействию», «пострадать» [21; 23]. Многие примеры действительно соответствуют такой трактовке, однако в *get-passives* последствия для субъекта («эксперимента» в терминах падежной грамматики) необязательно неблагоприятны: интерпретация определяется семантикой глагола, а для нейтральных в этом отношении глаголов — контекстом, ср.: *Jane got photographed dancing with Prince Charles*. Пример допускает оба прочтения [11, р. 444].

В английском языке пациентивное значение (*affectedness*) может выражаться также, например, неоднозначными (каузативы / адверсативы) структурами типа *He had his car stolen* (наряду с каузативным значением типа *He had his car washed*)⁵.

Наконец, та же пациентивность — это одно из значений безличных предложений некоторых типов в русском языке, что наглядно проявляется при сопоставлении с соответствующими им личными конструкциями. Именно данный тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев:

(12) Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив, **ему отрезало** ногу (А. П. Чехов «Крыжовник»).

Исходя в первую очередь из этого типа безличных предложений, А. Вежбицкая в хрестоматийно известной монографии выводит доминанты русской картины мира: «...рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» [3, с. 76]. Показательно употребление таких конструкций и в контексте проклятий и злопожеланий:

(13) **Чтоб его**, одноглазого черта, **возом переехало!** (Н. В. Гоголь «Майская ночь, или Утопленница»).

(Едва ли возможно, чтоб его воз переехал!)

⁵ Такая неоднозначность отмечена для многих языков (см.: [4; 8; 22; 24]).

Характерен перечень значений для безличных конструкций этого типа, приводимый в работе [18, p. 983]: *damage, death, injury, discomfort, uncontrolled experience* (примечательно, что большинство примеров с такими безличными конструкциями переводятся формами *get-passives*).

Многие из подобных предложений имеют перцептивный характер и передают не просто события, но прежде всего ощущения человека. Ср. эпизод из романа М. А. Булгакова, в котором описывается нашествие гигантских рептилий:

(14) Но огромная пружина, оливковая и гибкая, сзади, выскочив из овального окна, перескользнула двор, заняв его весь пятисаженным телом, и во мгновение обвила ноги Шукина. **Его швырнуло** вниз на землю, и блестящий револьвер отпрыгнул в сторону (М. А. Булгаков «Роковые яйца»).

33

Описывается состояние Шукина: хотя известно, что за тварь его швырнула, показано не ее действие, а то, что случилось с персонажем.

Таким же образом могут раскрываться и чисто внутренние ощущения, которые часто уподобляются ощущениям от внешних воздействий:

(15) Со страшной силой, точно бомбу... **Стрижина** вдруг **отбросило** от шкапа к сундуку... Ему показалось, что вместо водки он проглотил кусок динамита (А. П. Чехов «Неосторожность»).

Хотя много написано о лингвокультурной специфике данных конструкций, они согласуются с общими синтаксическими закономерностями. Так, для синтаксиса в целом характерно воспроизведение каузальной последовательности событий: исходным моментом для описания ситуации в нейтральном случае, как правило, является агент (или причина). В безличных же конструкциях в результате устранения агента или понижения его ранга исходной точкой становится человек или предмет, подвергшийся воздействию (буквально или метафорически — когда речь идет о внутренних ощущениях человека, психических или духовных процессах). Внимание фокусируется не на причине, а на самом испытывавшем воздействие объекте или существе (как правило, человеку), и характерное для прямых дополнений и дативов значение пациентивности в безличных предложениях усиливается. Из соображений Н. Д. Арутюновой: «Сдвигая имя человека в ту или другую синтаксически зависимую позицию, русский язык представляет человека то как орудие или объект действия неведомых сил, то как локус, в котором движется поток сознания, происходят события, пребывают свойства или состояния» [1, с. 8].

Многие из отмеченных тенденций, такие как связь пациентивной семантики с прямым дополнением (в меньшей степени с дативом, а в большей — с производными диатезами типа пассива, где соответствующий актант получает привилегированное положение подлежащего) или безличными конструкциями, не ограничиваются русским и английским языками и могут рассматриваться как отражение общих закономерностей, присутствующих в многочисленных языках мира.

Таким образом, категория пациентивности значима для синтаксиса и связана с определенными синтаксическими формами выражения. И хотя пациентивная семантика проявляется не во всех употреблениях этих форм, в контекстах контраста именно она акцентируется и выступает как актуальная.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 3–10.
2. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 320–355.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Галямина Ю.Е. Акцессивно-рецессивная синонимия показателей залога и актантажной деривации // Исследования по теории грамматики. М., 2001. Вып. 1 : Глагольные категории. С. 178–197.
5. Григорьян Е.Л. О характере синтаксической полисемии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2009. Вып. 8 (15). С. 75–79.
6. Касевич В.Б. Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992. С. 5–29.
7. Крылов С.А. Об употреблении термина «объект» в современной лингвистике // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. Памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005. С. 325–335.
8. Недалков В.П. О связях каузативности и пассивности // Вопросы общего и романо-германского языкознания. Ученые записки Башкирского государственного университета. Уфа, 1964. Т. 9 (13). С. 301–310.
9. Циммерлинг А.В. Субъект состояния и субъект оценки (типы предикатов и эпистемическая шкала) // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 221–228.
10. Bolinger D. Passive and Transitivity Again // Forum Linguisticum. 1980. Vol. 3, no. 1. P. 25–84.
11. Chappell H. Is the get-passive adversative? // Papers in linguistics. 1980. Vol. 13, no. 3. P. 411–452.
12. Cienki A. Experiencers, Possessors, and Overlap Between Russian Dative and U + Genitive // Proceedings of the of the 19th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. General Session and Parasession on Semantic Typology and Semantic Universals. Berkeley, 1995. P. 76–89.
13. Davison A. Peculiar Passives // Language. 1980. Vol. 56, no. 1. P. 42–66.
14. Downing A. The Semantics of Get-Passives // Functional descriptions. Theory and Practice. Amsterdam ; Philadelphia, 1996. P. 179–206.
15. Givón T. Direct Object and Dative Shifting. Semantic and Pragmatic Case // Objects: Towards a Theory of Grammatical Relations. L., 1984. P. 151–182.
16. Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 59, no. 2. P. 251–299.
17. Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge, 2002.
18. Janda L.A. Transitivity in Russian from the cognitive perspective // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст : сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. С. 970–988.
19. Keenan E. Passive in the World's Languages // Language Typology and Syntactic description. Cambridge, 1985. Vol. 1 : Clause Structure. P. 243–281.

20. *Klaiman M.H.* Affectedness and control: a typology of voice systems // *Typological studies in language*. Amsterdam, 1988. Vol. 16 : Passive and voice. P. 25–84.
21. *Klaiman M.H.* Control and grammar // *Linguistics*. 1991. Vol. 29, no. 4. P. 623–652.
22. *Knott J.* The causative-passive correlation // *Subject, Voice, and Ergativity*. L., 1995. P. 53–59.
23. *Malchukov A.L.* Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive // *Causatives and transitivity*. Amsterdam ; Philadelphia, 1993. P. 369–384.
24. *Shibatani M.* Passive and Related Constructions: A Prototype Analysis // *Language*. 1985. Vol. 61, no. 4. P. 821–848.
25. *Tsunoda T.* Antipassives in Warrungu and other Australian languages // *Typological studies in language*. Amsterdam, 1988. Vol. 16 : Passive and voice. P. 595–649.
26. *Vestergaard T.* A Note on Objective, Instrumental and Affected in English // *Studia Linguistica*. 1973. Vol. 27. P. 85–89.

Об авторе

Елена Леонидовна Григорьян – канд. филол. наук, доц., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

E-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

About the author

Dr Elena Grigorian, Ass. Prof., Southern Federal University, Rostov-on-Don.

E-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk